

Одним из правил «стратегической игры» наших противников является тщательное замалчивание того, чего по-настоящему боятся, — и как результат возникает соответствующая «подмена тезиса». Сегодня на Западе дружно кричат об опасности «русской мафии», «русского коррупционизма» и «русской небрежности» в обращении с ядерным оружием или ядерными отходами. На самом деле по-настоящему боятся другого: иррациональности русского темперамента, заставляющего браться со слабыми и бросать перчатку сильным...

...Так вот, в свете этого нового крестового похода мирового истеблишмента против всех сил антисистемной оппозиции внутривнутриполитического (классового) и внешнеполитического толка, Россия по-прежнему выступает как носитель реликтовых стихий нонконформистской «антисистемности».

Её правители стремятся изо всех сил оправдаться по этой «политической статье», но её народу, по-видимому, суждено войти в новейшую эпоху стратегической нестабильности в качестве нереабилитированного. Профилактическая работа с ним ведётся по двум основным направлениям.

Во-первых, его геополитически изолируют, отрывая от всех традиционных союзников и оставляя в полном мировом одиночестве. Для этого бывшее гигантское «имперское пространство» последовательно сужается и дробится по блоковому, этническому и другим признакам. Считается, что утративший чувство большого имперского пространства русский человек превратится наконец в законченного провинциала, более не интересующегося большими мировыми вопросами. Лишённая всяких нормальных гарантий, поистине изматывающая повседневность должна поглощать все его силы и внимание, закрывая всякий горизонт.

Во-вторых, русский народ изолируют от созданного его великими классиками великого

духовного пространства, где генерировались вселенские идеи и ставились потрясающие вопросы. Из идейного максималиста, каким ему завещано быть всей его духовной традицией, его хотят превратить в «минималиста», которого хватает лишь на обсуждение неотложных бытовых вопросов и формирование жалких стратегий низкопробно-эгоистического индивидуализма.

С этой целью осуществляется целенаправленный погром культуры и традиции, в котором задействованы профессионалы из министерства культуры, из министерства образования, из новых литературно-художественных, театральных, журналистских объединений. Созданы новые виды театра, специальное назначение которого — такая «реинтерпретация» национальной литературной классики, которая должна превратить наших классиков в пособников безоговорочной национальной капитуляции перед криминально-торгашеским духом «современности» и её сомнительными «эротическими» играми.

Создана «новая критика», призванная показать, что, с одной стороны, Пушкин, Гоголь, Толстой вовсе не таковы, какими они «традиционно представлялись» русскому человеку — искателю правды и справедливости, а с другой стороны, что современный уровень деградировавшего «совка» таков, что у него нет никаких прав претендовать на классическое литературное наследие как на его собственное, принадлежащее ему по праву национальной идентичности.

Это изгнание нашего современника из большого духовного пространства должно быть признано даже более опасным, чем изгнание его с законных территорий, освоенных великими предками. Новое территориальное изгойство русских как гонимой национально-исторической общности закрывает важнейшие экономические перспективы и подрывает национальную безопасность. Но в большой истории, как и везде, действует принцип превосходства духа над материей. Слабеет дух — и сужаются самые большие пространства,

закрываются казавшиеся несомненными перспективы. Крепнет дух — и материя телесных сил повинуется, пространства расширяются, перспективы проясняются. Именно поэтому сегодняшнее духовное экс-пространство русского народа, запланированное отлучение его от собственной большой традиции представляет в стратегическом отношении ещё более опасный вызов национальному бытию, чем даже собственно территориальное экспроприаторство. Территорию можно утратить и отвоевать заново: с разрушенной духовной традицией сложнее — она, как товар Маркса, представляет собой «не вещь, а отношение», а отношения — в том числе и с собственным прошлым — бывают невосстановимыми. Вот почему на первое место в современной национальной борьбе за выживание объективно выдвигаются интеллектуалы-гуманитарии.

От них требуется дать отпор современной атаке стратегического противника на духовные твердыни нации. Выступая в роли западных эпигонов, это невозможно сделать в принципе — здесь поддакивание разрушителям предопределено как позиция. Требуется вполне осознанное и решительное размежевание среди интеллигенции. Прежние недомолвки и увёртки более недопустимы. Те, кто не принимает перспективы духовной и физической гибели России, должны прямо заявить, что более не будут терпеть деятельности духовных погромщиков, их «факультативного» или профессионально оплачиваемого национального нигилизма. Защитникам нашей большой традиции — а без неё нет, и не может быть самостоятельной большой России — предстоит выработать адекватную стратегию. Она состоит не в том, чтобы заниматься национальным самовосхвалением, призывать к духовно-политической изоляции и пестовать «исконное». По существу, она состоит в том, чтобы заново переосмыслить современные проблемы глобализирующегося мира с позиций нашей большой духовной традиции, сформулировать альтернативные

варианты ответа на мироустроительные вопросы нашей эпохи, не сверяясь с западными «метрами», помня их «партийно-цивилизационную» пристрастность и ограниченность, их новый «цивилизованный расизм». Всякие ссылки на интеллектуальную дистанцию между оснащённым мировым центром и скудной периферией не могут быть приняты сразу по нескольким соображениям. Во-первых, потому, что с позиции современного миросистемного подхода различие центра и периферии, сильных и слабых ресурсных воздействий является относительным: в точках бифуркации слабые воздействия способны вызывать непропорционально сильные эффекты. Во-вторых, потому, что привилегированным заведомо свойственно упрощать и искажать ситуацию с прицелом на выгодное им статус-кво и утверждать, что настоящему положению вещей «нет альтернативы». Альтернативу ищут и находят не те, кто лучше оснащён, а те, кто кровно в ней заинтересован. Вот почему «настоящие чудеса» истории, связанные с появлением новых альтернатив, новых центров силы, новых моделей развития, зачастую происходили не в господских центрах, а на обделённой периферии мира. В этом смысле пора заново реабилитировать «периферию». Находиться в положении осаждаемой и экспроприированной, прижатой к стенке периферии — значит находиться в творческой позиции, в ситуации, где без поистине творческих решений не обойтись. В этом смысле новое положение России как осаждаемой периферии, лишённой прежних резервов, слабых духом побуждает к капитуляциям, сильных — к небывалой творческой активизации. Парадокс ситуации состоит в том, что Западу можно довольствоваться старыми стереотипами и тривиальными подходами, тогда как Россия на них объективно не способна продержаться. Её дилемма: гибель или творческое обновление. Те, кого не оставила большая вера и большая любовь, отвергают гибель и выбирают подвиг созидания.

Русская литература национальна по своей сути и близка народу не потому, что выпячивает какие-то этнографические черты или занимается народовосхвалением. Её национальный характер определяется её христианскими духовными корнями, предопределяющими её стойкий социальный и моральный пафос. Народу ближе всего этот пафос, что и предопределило стойкое единство народа и текста русской классики. Это же обстоятельство предопределило отторжение русской классики современным либеральным истеблишментом. Истеблишмент ныне живёт «иронией», а не пафосом, хотя несомненная специфика этой «иронии» в том, что здесь инстинкт «иронизирует» над разумом, похоть над целомудрием, двоедушие над прямодушием. В специфическом ареале, где обитают нынешние приватизаторы, такая ирония естественна, ибо все высокие ценности, против которых она направлена, мешают там «нормально жить» и «эффективно действовать». Но в той реальности, где живёт народ, долговременные стратегии существования совсем иные. Без социального и нравственного идеала, без чувства справедливости, солидарности, сострадательности русский народ выжить просто не может.

Эмпирический опыт «либерализированной» повседневности может опровергать это. Но это — призрачный и кратковременный опыт, его специфическая «наука» ведёт в никуда. Противоядием от такой науки и выступает великая русская духовная традиция, великая русская литература.

Александр ПАНАРИН. 2003 г.